

ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье раскрывается психологический подход к проблеме служения и анализируются признаки, его определяющие: жертвенность, эмоциональный опыт, мудрость, безусловность, вневременность, спонтанность. Феноменология служения представлена авторской структурно-динамической моделью. Служение рассматривается как состояние и как вид деятельности. Осуществлен психолингвистический анализ воинского, религиозного и актерского служения. Введена категория «интерференция мотивационных полей». Содержательно раскрыта категория «подлинная мотивация». Дано психологическое определение служения.

Ключевые слова: служение, субъект служения, объект служения, предмет служения, жертвенность, эмоциональный опыт, мудрость, безусловность, вневременность, спонтанность, служение как состояние, служение как деятельность, интерференция мотивационных полей, подлинная мотивация, инициация, ритуал.

PSYCHOLOGY OF SERVICE: TRADITIONS AND MODERN AGE

The article reveals the psychological approach to the issue of service and analyses the features that define it: sacrifice, emotional experience, wisdom, unconditionality, timeless, and spontaneity. The phenomenon of service is presented by author's structural dynamic model. Service is considered as a status and as an activity. The psycholinguistic analysis of military, religious, and acting services is accomplished. The category of "the interference of motivational fields" is introduced. The category of "the genuine motivation" is comprehensively disclosed. The definition of service is determined.

Keywords: service, subject of service, object of service, matter of service, sacrifice, emotional experience, wisdom, unconditionality, timeless, spontaneity, service as a status, service as an activity, genuine motivation, initiation, ritual.

Русский – тот, кто любит
Россию и ей служит!

Петр Великий

Служение как слово русского языка сегодня утратило родовое значение и почти вышло из оборота живой речи, отражая дефицит духовности в массовом и индивидуальном речевом сознании.

В повседневной жизни это выражается в острой нехватке добрых и доверительных отношений во всей цепочке личностных, общественных и международных отношений.

Откровенность и бескорыстие человеческих отношений в быту, добрая совесть и честность в профессии чаще становятся исключением.

¹ Старший преподаватель кафедры психологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, генеральный директор ООО «Школа современных психотехнологий».

В связи с этим, особо актуальными являются слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «...без доброты, без служения людей друг другу не может существовать общество – оно развалится» [1].

Традиционно являвшиеся предметом национальной гордости образование и медицина превратились в предмет торга, услугу.

Услуга семантически, а значит и практически заменила человеку служение профессии, делу, в конечном счете – Отечеству!

«Услуга» и «служение», хотя и однокоренные слова, но имеют разный смысл.

Грибоедовское «...служить бы рад, прислуживаться тошно» достаточно точно отражает мироощущение многих людей.

В социальном смысле, служение – это бескорыстная, общественно ценная внутренняя позиция, поведение и деятельность человека по

выполнению своих профессиональных и общественных функций. В этом смысле говорят о служителях веры, науки, искусства и т.д. Не зря в народе закрепились афоризмы «служение верой и правдой», «служение делу, а не лицам», «служение Отчизне», «служение народу» и т.д.

Служение – тип отношения человека к своей активности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и продуктивно выполнять любую взятую на себя работу, независимо от того, каковы условия.

«Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья», – писал А.П. Чехов [2, с. 203].

Возрастающая необходимость служения в обществе и государстве требует создания адекватных современных правовых, организационных и психолого-образовательных механизмов, раскрывающих его колоссальный созидательный потенциал.

В русском языке *служение* как особое состояние и вид деятельности ментально ассоциируется с особой активностью трех категорий людей: *военный, актер и священнослужитель*.

Для первичного анализа важно проследить очевидные, психологически объединяющие возможности «людей служения», для чего введем служебные категории: субъект служения (S_c);

объект служения (O_c); предмет служения (P_c); процесс служения, см. рис. 1.

Характеристику субъекта служения необходимо начать с краткого обзора понятия «служение». В толковом словаре Д.Н. Ушакова «служение» определяется как действие по глаголу «служить» [3]. *Служить* – делать что-нибудь для кого-, чего-нибудь, выполняя чью-то волю, приказание, работать в пользу чего-нибудь [4, с. 675]. Быть слугой значит отдать себя полностью в чье-то распоряжение, выполнять чью-то волю. Таким образом, родовой категорией для понятия «служение» выступает понятие «слуга».

Мы выделяем следующие основные психологические признаки феномена служения.

Жертвенность. Первым, совершенно очевидным и психологически обязательным признаком выступает полное и безусловное подчинение «Я» человека объекту своего служения.

Отметим, что в качестве объекта служения может выступать как божество, отечество, профессия, дело, общность людей, так и конкретный человек как представитель рода. Примером последнего могут служить строки стихотворной прозы И.С. Тургенева, посвященной памяти Ю.П. Вревской: «...вся пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним».



Рис. 1. Структурно-динамическая модель «Психологии служения»

Понятия, которые охватывают безусловную подчиненность «Я» человека объекту служения, описываются как жертвенность, отстраненность от персонального «Я».

Таким образом, первой определяющей характеристикой субъекта служения является готовность принести себя в жертву, самопожертвование ради блага кого-то или для спасения чего-то – жертвенность [4, с. 165].

В словаре синонимов русского языка психологически уточняется жертвенность через понятия: самоотверженность, беззаветность, подвижничество, самоотвержение [5].

В любом случае, жертвовать – это отдавать самого себя, свою жизнь, свое время, жертвовать собственными интересами и идеями, материальными благами и пр.

Военный человек, служа Отечеству, целиком и полностью вверяет себя ему, закрепляя в присяге готовность принести себя в жертву, ради блага и его спасения! (Недавний пример служения: Магомед Нурбаганов, попав в руки к бандитам, узнавшим, что он сотрудник полиции, потребовали от него под видеозапись отречься от присяги и призвать к этому других сотрудников МВД. Однако Магомед Нурбаганов, стоя перед вооруженными бандитами, за несколько минут до смерти призвал своих товарищей продолжать борьбу с террористами. Последние слова героя были: «Работайте, братья!»)

Психологически важно подчеркнуть, что отказ от своего «Я» в пользу кого/чего-нибудь, жертвенность – это глубоко интимный, предельно личностный и добровольный выбор в пользу объекта служения, сопровождаемый особым переживанием – страданием, по Ф.Е. Василюку, «проживанием ситуации» [6].

Жертвенность – ключевой признак, доказывающий подлинную реальность, а не «иллюзорность» служения. Служение же, в свою очередь, есть форма реального обнаружения духа как единства людей и человеческого общества [7, с. 132].

Эмоциональный опыт. Второй значимой характеристикой субъекта служения является личный глубоко эмоциональный опыт. Прожить ситуацию значит оказаться внутри неё, быть активным участником и субъектом этого выбора, в котором обретается соответствующий опыт.

В реальном акте служения различить когнитивную и эмоциональную стороны вряд ли удастся. Но жанр психологического знания настоятельно этого требует.

Действительность дана человеку в переживании реальности жизни [8, с. 106–108].

Основатель отечественной театральной школы К.С. Станиславский положил в основу своей системы как опорный концепт предложение актеру «идти от себя», то есть от своей жизни, своего духовного и душевного опыта, эмоциональной памяти, сопоставимых с опытом чужой души и чужой жизни, которую артист призван воплотить. «Играть нужно не роль, а себя в этой роли», – утверждал мастер [9].

К месту будет вспомнить слова великой русской актрисы Ф.Г. Раневской: «Я не признаю слова “играть”. Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно!» [10].

Народный артист СССР И.М. Смоктуновский в одном из последних интервью утверждал: «...нельзя победить роль, не отправив в нокаут собственное сердце».

Служение – это предельно откровенное, подлинно жизненное состояние, в котором пребывает человек, проживая реалистичность мира в его противоречивости, многообразии и полноте.

Психологически точно описывает это свойство субъекта служения Л.Н. Толстой в одном из своих писем: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, начинать и бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость» [11].

В свою очередь, сознательная, рациональная сторона служения в большей мере охватывается понятием «мудрость».

Мудрость. Безусловность. Проживая реалистичность мира, человек учится выражать его в речи, помещая в «поток сознания», уже вторично обретая сознательную мудрость и способность жить без условностей. Безусловность как психологический признак мудрости означает способность человека владеть абсолютным принципом (методом) решения сложных жизненных задач, безотносительно к ситуации, в которой они решаются.

К примеру, обычный человек, имеющий опыт разрешения сложных ситуаций, всегда ограничен рамками конкретных условий ситуации (места, времени, предмета сложности, возраста, психического состояния участников и т.д.), который полезен для этих условий и, может быть, совершенно непригоден для других, хотя и схожих по внешним признакам обстоятельствам.

Классик психологии сознания Уильям Джеймс писал: «Искусство быть мудрым состоит в умении знать, на что не следует обращать внимание» [12].

Для носителя мудрости жизненная сложность не привязана к конкретным обстоятельствам и определяется для каждой ситуации от-

дельно, опираясь, как вариант, на внутреннюю логику самой ситуации или ее отдельных составляющих.

Таким образом, когнитивной характеристикой субъекта служения выступает мудрость как высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и достигаемое через духовно-жизненный поиск истины субъектом знания.

Вневременность. Другое важное обстоятельство, которое характеризует состояние служения, это его независимость от времени и места. В психологическом смысле, это иное пространственно-временное измерение. Вернее, вневременное и внепространственное измерение. (Ср.: человек, оказывающий услугу, ограничен рабочим местом и количеством трудового времени.)

Как священник продолжает служить Богу и в храме и вне его, с полной готовностью в любой момент исполнить свое предназначение, так и военный человек служит Отечеству вне зависимости от места нахождения и с постоянной готовностью выполнить свой воинский долг.

Вневременность служения также является отличительной особенностью этого труда. Служение продолжается и на работе, и дома, и в отпуске, и в других условиях.

Особо контрастно характеристики вневременности и пространственности проявляются в труде актёра.

К примеру, осваивая роль шекспировского Гамлета, актер живет своим героем и после репетиции, когда приходит домой. Условно, он спит и дышит, как Гамлет! Он думает и чувствует, как Гамлет! В известном смысле, он и есть Гамлет! Сам человек, пространство и время слились воедино!

Ближайшая психологическая категория, описывающая это состояние, предложена венгерским психологом Чиксентмихайи М. как аутотелическое состояние, обозначающее самоцельное состояние, состояние «потока», при котором действие эмоционально награждается его выполнением. Некоторое действие выполняется ради самого действия. Нахождение в этом состоянии является самоцельным, предельно необходимым для своего носителя [13].

Служение – это не обязанность, а образ жизни, как психическое состояние, выполняемое ради самого состояния.

Психическое состояние как психологическая категория обозначается нами в качестве интегральной характеристики, описывающей психическое явление в совокупности условий, определяющих его существование.

Следующим и обязательным в нашем изложении условием служения является спонтанность.

Спонтанность. Существенной характеристикой субъекта служения является самопроизвольность, которую принято обозначать категорией «спонтанность».

В толковом словаре С.И. Ожегова спонтанность (от лат. *spontaneus* – добровольный – произвольный) определяется как самопроизвольность, самодвижение, вызванное не внешними факторами, а внутренними причинами [4, с. 700].

Спонтанность с очевидностью указывает источник побуждения – внутренний мир самого человека, подчеркивая её добровольность. В психологической науке источник и силу побуждения принято называть *мотивацией*.

Мотивация субъекта служения переводит анализ явления из структурного подхода в подходы динамический и функциональный. Во имя чего это делается? Каковы цели служения? Мотивационная составляющая служения выступает базовым психическим основанием рассматриваемого феномена [14, с. 45–46].

Мотивационная интерференция. По нашему мнению, содержательное психологическое наполнение категория «служение» получит при рассмотрении феномена наложения, интерференции двух мотиваций.

Первую мотивацию, применяя терминологию гештальтпсихолога К. Левина – мотивационного поля (ситуационная мотивация), сохраним за одноименным понятием [15].

Вторую – условно обозначим как «подлинная мотивация» (см. рис. 1).

Первично мотивационное поле служения задается ситуативно, пространством напряжений, с одной стороны, самого субъекта, его потребностным состоянием крайней нужды в ближайшей точке объекта служения – предмете служения, с другой.

Данное состояние описано К. Левиным как квазипотребностное состояние.

Хорошей иллюстрацией этого состояния, применительно к предмету нашего анализа, могут стать слова Л.Н. Толстого из его дневников: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». Близкое по смыслу обращение содержится в письме к Л. Андрееву: «Думаю, что писать надо только тогда, когда мысль, которую хочешь выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умешь, не выразишь ее, не отстанет от тебя» [11].

Другой полюс мотивационного поля образует предмет служения.

Предмет служения. Предмет служения, в отличие от объекта, определен конкретно, натурально и реалистично. Это может быть конкретная идея, натуральный предмет или действие, реальная группа людей или отдельный человек, но, как правило, эмоционально связанный с абсолютным объектом служения. Именно к этой точке реально и объективно прикладываются все физические и психические силы.

Система напряжений, возникшая в пространстве субъекта служения и предмета служения, задает поле первой, в нашем изложении, ситуационной мотивации.

Второе поле напряжений – подлинной мотивации – возникает между субъектом и объектом служения.

Пушкинские строки из «19 октября», посвященные «Дню лицеиста» [16, с. 211], поэтично указывают на подлинную мотивацию служения науке и искусству:

Служенье муз не терпит суеты;

Прекрасное должно быть величаво...

Суета, как всё тщетное, ничтожное, бесполезное, не представляющее истинной ценности (первонач. *Всё земное, в отличие от небесного, божественного*; книжн. устар. и совр. – *торопливое*), разграничивает объекты подлинные и ложные.

Подлинная мотивация. Самой близкой психологической категорией, охватывающей замысел строк А.С. Пушкина, является мотивация высших подлинных проявлений человеческого духа как со стороны побуждающей силы, так и возвышенности самого объекта служения.

Со стороны предмета служения могут выступать, по А.Н. Леонтьеву, мотивы-стимулы, со стороны самого объекта – мотивы-смыслы, то есть смыслы, порожденные подлинными мотивами [17].

Подлинная мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы деятельности и придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение и сохранение истинных, настоящих целей [18, с. 33.]

Каковы эти настоящие, подлинные цели?

Прежде всего, – это любовь.

К примеру, в «Записных книжках» М. Цветаева пишет: «Любить – значит видеть человека таким, каким его задумал Бог...». Русская поэтесса приближает нас к пониманию подлинной мотивации великого чувства – любви [19].

Разговор о подлинной (настоящей) мотивации в профессии требует самостоятельного

анализа, здесь же ограничимся примером из работы А.А. Тарковского «Уроки режиссуры» [20, с. 59–76].

В чем состоит подлинная мотивация кинематографа? Запечатлеть время! Оставить точный слепок какого-то события. Всё, что служит этой цели, относится к подлинной мотивации, остальное необходимо отбросить. Мастер поясняет своим студентам это обстоятельство на примере техник монтажа кадров в киноленте.

– Нужен сегодня монтаж? – задает он вопрос своим студентам.

– Конечно, – отвечают его слушатели.

– Зачем?

– К примеру, удивить зрителя!

– Удивлять должен цирк, это его мотивация!

– Забыли! Подлинная мотивация кинематографа – запечатлеть время!

– В былые времена, когда кино было немым, для полноты картинки монтаж использовали в целях передачи недостающего звука.

– Сегодня, когда кино имеет звук, то...

Механизм сдвига мотива на цель, описанный А.Н. Леонтьевым и признанный в науке как механизм развития мотивации человека, верен и в нашем случае, но оставляет открытым вопрос выбора подлинных мотивов [17].

Служить – значит находить подлинную мотивацию и быть ее хранителем!

Механизм, реализующий феномен служения – мотивационная интерференция. Наложение двух мотиваций, ситуативной и подлинной, друг на друга, создает возможность опознания за предметом служения, который выступает в функции символа, иной реальности – подлинного мотива (объект служения).

Предмет служения, первично являясь знаком, в состоянии мотивационной интерференции трансформируется в символ, утверждаемый и поддерживаемый ритуальным действием.

Служение как особое вневременное психическое состояние обеспечивается выполнением ритуала, соблюдением традиции, обычая, языковой нормы и т.д.

К примеру, религиозно-культурная активность священника, выраженная в молитве, как символической форме обращения к Богу, предполагает установление контакта, «молчаливого диалога» с Ним в напряженном молитвенном поиске необходимого решения (подлинного мотива). Подробно психологический анализ культовой деятельности представлен в нашей статье «Духовный опыт в зеркале психологического знания» [21, с. 36–37].

Значительный и содержательно богатый ма-

териал для психологической науки представляют некоторые воинские традиции, символическое значение которых трудно переоценить для жизни армейского организма.

Одна из таких традиций – «дедовщина», которая получила отрицательную коннотацию по причине её устойчивой подмены неуставными взаимоотношениями.

Психологически, явление «дедовщины» обозначает одну из ступеней прохождения службы в армии, предоставляющую право «покровительства» по традиции и сроку службы над «младшими».

Вполне очевидно, что реальная и символическая функция «деда» в жизни рода не может предполагать действий, нарушающих внутренние законы его (рода) существования, а, напротив, состоит в защите и сохранении естества жизни родового организма.

В этом смысле «дедовщина», как армейское явление и не только армейское, имеет отношение к подлинной мотивации воинского служения.

Значение и смысл «дедовщины» как обряда инициации (лат. *initiatio* – совершение таинства, посвящение) представляет собой психологическое преобразование статусной роли «мальчика» в статус «мужа», воина, защитника, со всеми вытекающими эмоционально-когнитивными и поведенческими последствиями.

Предельно напряженная психическая работа субъекта инициации, состоящая в символическом (идеальном) плане, как акт умирания/рождения, является одной из центральных характеристик большинства подобных практик. Субъект символически (психологически) умирает, как «мальчик», что выражается в неформальном ограничении его прав для того, чтобы родиться в новом качестве – воина, в поведенческом плане обретая ряд привилегий.

В языковом сознании эти состояния фиксируются как «молодой», «дух» – в значении «нереальный» в первом случае и как «старик», «дед» – в значении «взрослый, умудренный, реальный» – во втором.

Неслучайно служба в армии метафорически закрепила в языке, как «школа мужества», а её подлинная мотивация – возмужание и защита.

Рольевые действия мы обнаружим ещё в ритуальных обрядах, которые сопровождали жизнь наших предков. Для успешной охоты древние люди разыгрывали сценки обнаружения богатой добычи и её поимки. Перед военными действиями племя обязано было «потренироваться» перед священным костром и обязательно победить тех, кто играл роль противника, что формировало

психологическую готовность к битве и уверенность в победе [22].

Схожие механизмы, при внимательном рассмотрении, мы обнаружим и в работе актера над ролью.

Как и в ритуальных действиях древнего человека, действия актера перед освоением роли подчинены мифической формуле в значении юнговского архетипичного образа, где реализует себя специфическое единство индивидуального («моё») и коллективного («общее»), позволяя актеру увидеть за внешней формой роли глубокий, подлинно жизненный смысл переживаний своего героя.

Всё вышесказанное позволяет определить психологическую наполненность категории «служение».

Служение (психол.) – спонтанное, вневременное психическое состояние безусловного проживания жертвенности своему объекту, ориентированное на постижение его абсолютного смысла (целостное, духовно-практическое знание), достигаемое через духовно-жизненный поиск и сохранение подлинных целей символическими средствами.

Жизненные проявления служения человека многообразны и предметно неуловимы. В служении отражается единство индивидуального и общего во всей полноте человеческого бытия. В своей знаменитой работе «Герои и толпа» Н.К. Михайловский писал: «...великие люди не с неба сваливаются на землю, а с земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания» [19, с. 283].

Служение, как специфическое явление, наиболее полно находит отражение в психологической категории личности в узком смысле слова, как субъекта культуры, который самостоятельно и ответственно опирается в своих поступках, мыслях, переживаниях, прежде всего в ситуациях мотивационного конфликта, на общечеловеческие, нравственные принципы, способного к осмысленному преобразованию собственных природных свойств и уже присвоенных социальных правил.

Литература

1. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в Донском Ставропигиальном монастыре [Электронный ресурс]: Официальный сайт Московского Патриархата 1 сентября 2015 года. – <http://www.patriarchia.ru/>.

2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. – М. : Наука, 1980. – Т. 17.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : АСТ, 2000.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – изд. 4-е, доп. – М., 1997.
5. Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М. : Астрель: АСТ, 2011.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М. : Изд-во МГУ, 1984.
7. Данилов С.И. Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. – 2012. – № 3. – С. 132.
8. Никифоров А.В. Субъектность интуиции в пространстве переживания // Инициативы XXI века. – 2014. – № 4.
9. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. – М. : Азбука, 2015.
10. Скороходов Г.А. Разговоры с Раневской. – М. : АСТ, 2001.
11. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. Избранные письма 1842–1881. – 2-е изд. – М., 2011. – Т. 18.
12. Психология / под ред. Л.А. Петровской. – М. : Педагогика, 1991. – (Классики мировой психологии).
13. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. – М. : Альпина нон-фикшн, 2011.
14. Каширин В.П. Направленность личности. Потребностно-мотивационная сфера человека // Слостёнин В.А., Каширин В.П. Психология и педагогика : учебное пособие. – М., 2001. – С. 65–76.
15. Левин К. Динамическая психология : избранные труды / под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой. – М. : Смысл, 2001.
16. Пушкин А.С. Сочинения : в 3 т. – М. : Художественная литература, 1954. – Т. 1. – С. 211.
17. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М. : Смысл: Академия, 2005. – С. 147.
18. Утлик Э.П. Психология личности : учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2013.
19. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. – СПб. : Изд. Пушкинского дома, 2001.
20. Тарковский А.А. Уроки режиссуры. – М., 1992.
21. Мымрин А.В. Духовный опыт в зеркале психологического знания // Инициативы XXI века. – 2016. – № 2.
22. Азарнов Н.Н. Безопасность личности в системе социального взаимодействия // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 3. – С. 157–159.